

Daniel Schreiber

ALLEIN

Даниэль Шрайбер

ОДИН И ОН

*Как мы учимся
быть сами по себе*

Перевод с немецкого
Сергея Ташкенова

Individuum
Москва, 2024

УДК 13+316.37
ББК 87.6+364.624.4
Ш85

Шрайбер, Даниэль.

Ш85 Один и ОК. Как мы учимся быть сами по себе / Даниэль Шрайбер; [пер. с нем. С. Ташкенов]. — М.: Individuum, Эксмо, 2024. — 160 с.

ISBN 978-5-907696-38-9

В современном обществе доминирует идея индивидуализма, но одиночество при этом часто воспринимается как личный провал. Мы обнаруживаем в себе стремление одновременно и к свободе, и к близости, что наглядно показал опыт изоляции во время пандемии. В своих эссе немецкий писатель и журналист Даниэль Шрайбер всматривается в этот кажущийся парадокс, обращаясь к трудам философов (от Аристотеля и Мишеля Фуко до Ханны Арендт и Жюльена Делеза), художественной литературе (от Джейн Остин до Анни Эрно), актуальным исследованиям практикующих психотерапевтов и даже к популярным ситкомам. И приходит к делящей надежду мысли, что выстраивание иерархий из моделей жизни, возможно, — не самая удачная идея, и слову «одиночество» соответствуют не только темные тона.

УДК 13+316.37
ББК 87.6+364.624.4

© 2021 Hanser Berlin im Carl Hanser
Verlag GmbH & Co. KG, München
© С. Ташкенов, перевод с немецкого, 2024
© ООО «Издательство «Эксмо», 2024
Individuum®

ISBN 978-5-907696-38-9

Содержание

Жизнь в одиночестве.....	9
The Kindness of Strangers	26
Дружеские разговоры	44
Одиноко как никогда	62
Неоднозначные потери	79
Отпуск в Фамаре	99
Работа над телом	118
Расставания	134
<i>Благодарности</i>	149
<i>Литература</i>	151

В каждое мгновение наряду с тем, что кажется людям естественным делать и говорить, ... существует то, о чем общество умалчивает, игнорирует как факт, обрекая на одинокий дискомфорт тех мужчин и женщин, которые это ощущают и не могут назвать. Молчание однажды оказывается нарушено, внезапно или постепенно, и слова проливаются на то, что наконец получает признание, а тем временем новые зоны молчания смыкаются в глубине¹.

¹ Эрнэ А. Годы / пер. с фр. А. Беляк. М.: Эксмо, 2003. С. 113.

Жизнь в одиночестве

В конце лета мы сидели за домом на шатких складных стульях, пили кофе, наслаждались последними теплыми лучами солнца и смотрели на заросшую землю, бывшую некогда большим дачным участком. Сильвия и Хайко построили этот дом недалеко от Липнице, в озерном пригороде Берлина. Строительство затянулось на несколько лет, но теперь они вместе с малышкой Лилит, наконец, переехали сюда, расставшись с жизнью в Берлине. Я следил за переездом со смешанными чувствами, не зная, как новая пространственная отдаленность отразится на моей социальной жизни и в особенности на дружбе, которая давно связывала нас с Сильвией.

За садом никто не ухаживал уже много лет. Перед нами расстилалось косматое поле сухих трав, лебеды и крапивы, окруженное плотно стоящими туями высотой в несколько метров. В центре уходили в небо три большие сосны, между которыми ютились чахлые кусты лавровишни и рододендрона с грузными ветвями и скудными листьями. Каким-то чудом еще держались

несколько на удивление стойких пурпурных горичцев, розоватых журавельников и ярких оранжево-желтых гелиопсисов. Недолго думая, я предложил Сильвии помочь привести сад в порядок. Уже и не скажу, почему это показалось мне тогда верным решением. Оно было связано с тем, что от работы на природе, с растениями, я надеялся каким-то образом заземлиться. Возможно, частью души я чувствовал, что бедственное состояние сада похоже на состояние моей жизни. Бедственное, несмотря на все моменты прекрасного. В прошедшие месяцы во мне крепло ощущение, что я сделал что-то не так, что в юности поддался мечтательному заблуждению о взрослой жизни и что последствия этого заблуждения по-настоящему проявляются только сейчас.

Я никогда не принимал сознательного решения жить одному. Напротив, долгое время я был уверен, что разделю жизнь и состарюсь с кем-то. В прошлом у меня всегда были отношения — короткие, более длительные и гораздо более долгие; зачастую одни переходили в другие. С двумя из моих партнеров я жил вместе, а с одним из них в течение многих лет даже планировал совместное будущее. Когда на том этапе жизни я оставался один, недели могли казаться вечностью, и я заполнял ее романами и интрижками на одну ночь, романтическими наваждениями, о которых до сих пор не люблю вспоминать. Но в какой-то момент все это кончилось. Прошли сначала месяцы, потом годы, когда у меня не было никаких отношений, а романы случались все реже. Если раньше я не мог долго быть один, то теперь, казалось, искал одиночества.

В разговорах с друзьями я объяснял это тем, что раньше был молод и непредвзят, не боялся идти на риск. Иногда

я говорил, что квир-миру любви и желания характерна своеобразная безжалостность, которая с определенного возраста помогает оставаться невидимым. Я спрашивал себя, не слишком ли я психически перегружен для новых отношений, есть ли для них вообще место в моей жизни — жизни, вынуждающей много работать, чтобы держать голову на плаву, и много времени посвящать письму, главному для меня занятию.

Все это было так, но в то же время требовало объяснения получше. Случались дни, когда я думал, что живу один, в том числе поскольку мне не хватает чего-то вроде сущностной уверенности. Другими словами, во мне отсутствовало принципиально главное: ощущение, что впереди меня ждет хорошее, многообещающее будущее, которое стоит того, чтобы с кем-то его разделить. Эта беспомощность отнюдь не ограничивалась личной жизнью. Последствия непреодолимого экономического неравенства, растущее влияние авторитарных режимов, почти наверняка неостановимое изменение климата — казалось, человечество утратило волю противостоять ожидающей его катастрофе. Вместо этого оно само ринулось ей навстречу с каким-то странным, смакующим фатализм. Каждая засуха, каждый тропический циклон, уничтожающий целые массивы суши и острова, каждый прогноз бедственного голода, очередной волны беженцев и — как следствие — краха политических систем, каждая новость о бездействии правительства в том или ином уголке мира капля за каплей лишали меня надежды. Всякий раз, когда я читал о неожиданных успехах кампаний политической дезинформации, об угрозах кибер- и биотерроризма, о новых вирусах и глобальных эпидемиях,

которые застанут нас врасплох, во мне крепло чувство безысходности.

Возможно, мои ощущения лучше всего описать понятием *moral injury* — «моральной травмы». Оно пришло из исследований посттравматических расстройств у военных репортеров и описывает нарушение внутреннего понимания реальности, возникающее, когда человек становится свидетелем ужасных событий, но не может вмешаться¹. Разумеется, нельзя сопоставлять нашу жизнь с жизнью людей, ведущих репортажи с войны, однако дилемма схожа. Мы следим за происходящим в мире ужасом и чаще всего обречены на бездействие. И уже давно меня преследует чувство: что это, как не болезненная атака на моральный компас, на мое понимание себя и мира?

Я люблю сады. Еще в детстве я узнавал у мамы, страстного садовода, названия растений и беззаботно играл среди больших фруктовых деревьев и перистых кустов спаржи. Уже много лет я регулярно езжу в Борним под Потсдамом посмотреть на прекрасный сад селекционера Карла Форстера. В Версале я могу часами гулять по *potager du roi*² Жана-Батиста де ла Квинтини. От Сиссингхёрста, загородного поместья и обширного сада Виты Сэквилл-Уэст, разделенного по цветам и оттенкам, всякий раз

¹ Feinstein A., Storm H. The Emotional Toll On Journalists Covering The Refugee Crisis. Bericht des Reuters Institute for the Study of Journalism, Juli 2017; см. также: Krauss N. We're Living in a World of Walls. Here Is a Window to Escape // New York Times, 23.10.2020.

² Огород короля (*фр.*). — Прим. пер.

захватывает дух. В последние годы меня особенно завораживали работы Пита Удольфа, голландского дизайнера садов. Его творения отличаются дикой красотой. Они напоминают ритмичные моря из растений прерий, местных многолетников и трав: там всегда что-то цветет, а изящные формы некоторых насаждений ласкают взгляд даже зимой.

Сады Удольфа отзывались во мне чем-то, что трудно облечь в слова. Они не только удовлетворяли потребность в уединении, но и позволяли почувствовать возможность что-то противопоставить тяготам современности. Они доказали: мы способны хотя бы в малом сделать мир красивее и, пусть лишь на участке земли, заложить основы лучшего будущего. Способны жить с миром и в мире, на который ропщем.

Вдохновленный Удольфом и его философией садов, я предложил Сильвии и Хайко более масштабно перепланировать участок вокруг дома. Я принялся систематически изучать книги Удольфа. Целью был экологически устойчивый сад, который из года в год требовал бы меньше работы, поскольку растения настолько хорошо сочетаются друг с другом и с местом, где высажены, что образуют своего рода мини-экосистему. Сад, требующий минимального полива даже в жаркое лето.

Постепенно мы принялись за работу. У меня был ключ от дома. Когда возникала необходимость или дела мои шли не так хорошо, я садился на электричку и ехал на Липнице. Там я иногда вставал спозаранку, варил кофе и выходил из дома. Работа руками сопровождалась своего рода умственным трудом, возделывание

пространства сада — расширением моего ментального пространства. По крайней мере, так это ощущалось¹.

Той осенью я часто вспоминал знаменитый тезис Жана-Франсуа Лиотара, выдвинутый им еще в конце 1970-х годов, о «конце великих рассказов». Он не имел в виду формы художественного нарратива, а описывал фундаментальную утрату достоверности, от которой страдает наше общество. «Рассказами» Лиотар называл политику и философию, подразумевая, что ни одна из этих областей не может больше претендовать на что-то вроде обязательной «рациональности»².

По моему впечатлению, только сейчас мы начали ощущать, что же конец этих великих рассказов означает для жизни и поняли: несколько последних лет мы буквально в режиме реального времени следим за этим процессом. Он отразился в тенденциях, из которых одни были отрадными, другие — крайне тревожными: например, конец нормы патриархального уклада и закоснелых представлений о гендере и одновременно конец коллективной ответственности и социальных действий, основанных на научных стандартах, а также утрата коллективной веры в демократию.

Для Лиотара конец великих повествований поставил под вопрос и «автономного субъекта», который может

¹ О целительном воздействии садоводства см.: *Стюарт-Смит С.* Зеленая терапия: как прополоть сорняки в голове и взрастить свое счастье / пер. с англ. Е. Цветковой. М.: Бомбора, 2023.

² См.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

ссылаться на самоочевидные убеждения и, опираясь на общие для всех истины, знать, что правильно, а что нет. Вместо него, по мнению философа, появляются индивиды, отброшенные к самим себе, вынужденные искать собственный путь среди множества «малых рассказов». Ищущие Я, которые сталкиваются с фундаментальными изменениями эпохи и проживают жизнь, утратив уверенность в истине и желая обрести новую. Во мне всецело откликнулась идея об этих ищущих Я.

Вероятно, последним великим рассказом, пережившим такую смену эпох, можно назвать романтическую любовь. По крайней мере, отчасти. Конечно, мы всё больше уходим от «божественного» или «естественного» порядка полов, частью которого долгое время был этот великий нарратив. Конечно, принципиально изменилось и то, что мы вкладываем в понятие любви. Социологи, такие как Ева Иллуз, убедительно описали, как на любовь влияет коммерциализация чувств, капитализация тела, вся экономика эмоционального внимания, заключающаяся в вечном стремлении к большему и лучшему³. Однако идея любви почти не потеряла притягательности, по-прежнему находится в центре наших коллективных фантазий и занимает прочное место в горизонте личных ожиданий. Это все еще то, чего желает большинство людей, на что они надеются; это, возможно, самый важный компонент их понимания счастья. Для большинства

³ *Иллуз Е.* Почему любовь ранит. Социологическое объяснение / пер. с англ. С. Сидоровой. М., Берлин: Директмедиа Пабблишинг, 2020; *Иллуз Е.* Почему любовь уходит? Социология негативных отношений / пер. с англ. С. Сидоровой. М., Берлин: Директмедиа Пабблишинг, 2022.

из нас жизнь без любовной близости кажется неполной, несовершенной — будто в ней чего-то не хватает.

Ощущение, что ты несчастен, сегодня часто приравнивают к личному фиаско, хотя это может быть вполне адекватной реакцией на окружающие нас мир и общество. Даже отсутствие постоянных любовных отношений обычно воспринимается как личное фиаско, будто ты недостаточно привлекателен или недостаточно успешен экономически, будто ты психически не совсем для них пригоден. Если живешь один, эти витающие в воздухе подозрения настигают тебя повсюду, отражаясь даже на лицах других людей, в их сочувствии, их смущении или тайной радости из-за того, что им живется лучше.

Возможно, из-за такого восприятия мы до сих пор слишком мало знаем о повседневности и психическом состоянии людей, живущих в одиночестве. В книге «И это пройдет» психотерапевт Джулия Самюэль отмечает, что до сих пор в центре внимания психологических исследований находились партнерские отношения, жизнь вдвоем. Как люди справляются с жизнью в одиночестве, почти не изучалось, — что удивительно¹, поскольку сегодня люди как никогда вынуждены ставить себя в центр планирования собственной жизни. «Индивидуальная автономия» и «самореализация» стали коллективными идеалами².

¹ Samuel J. *This Too Shall Pass. Stories of Change, Crisis and Hopeful Beginnings*. London, 2020. P. 113.

² Ср.: *Roseneil S. Neue Freundschaftspraktiken. Fürsorge und Sorge um sich im Zeitalter der Individualisierung // Mittelweg 36, Zeitschrift des Hamburger Instituts für Sozialforschung*. 2008. 3. S. 55–70, здесь — S. 58–60.